

НОВІ ВІДКРИТТЯ І ЗНАХІДКИ

КРЫМСКОЕ ПРИАЗОВЬЕ — ЛОКАЛЬНАЯ МИКРОЗОНА ПОЗДНЕГО БОСПОРА (конец III — VI вв.)

Н. Н. Болгов

Два последних десятилетия постепенно начали приоткрывать темную завесу над заключительным периодом истории античного Боспора. Ряд работ археологов и историков позволяет уже сегодня наметить некоторые контуры этой эпохи¹.

Достаточно утвердилось представление о позднеантичном периоде на Боспоре как о времени между готскими походами третьей четверти III в. и приходом тюркютов в третьей четверти VI в.²

Логика развития локальных цивилизаций неизбежно заставляет нас принять тезис о деструкции сложно организованного общества с потестарной организацией и его распаде на более простые «политические тела»³ в последний период его существования. В сущности, история Боспора должна была закончиться в тех же формах, в которых она начиналась⁴. Речь идет об отдельных очагах, которые на протяжении позднеантичного времени естественным образом обособляются и изолируются друг от друга. Такое обособление или распад Боспора на отдельные территориально-хозяйственные микроразоны, должно было происходить на основе естественных природно-ландшафтных микроразнов⁵.

Как нам представляется, на современном этапе исследований нужно дать описание отдельных микроразнов позднего Боспора, из мозаики которых сложится более полная общая картина. Серия таких описаний была начата нами с юго-востока Европейского Боспора (район Китея)⁶. Теперь предлагаем очерк истории Крымского Приазовья.

Крымское Приазовье представляет собой слегка выступающий в Азовское море достаточно крупный массив суши, ограниченный Казантипским заливом с запада и мысом Зюк на востоке. С восточной стороны эта микроразона соседствует с северо-восточным выступом Керченского полуострова, на юге упирается в линию современной железной дороги. К северу и югу от последней в широтном направлении тянется ряд невысоких гребней, самым южным из которых является Парпачский хребт (линия: Владиславовка — Керчь).

Береговая линия сравнительно слабо изрезана. Главная особенность побережья — котловидные долины и кольцеобразные кряжи, не представляющие значительных возвышений⁷. Бухты имеют аккумулятивные берега. Мыс Зюк — песчаная коса, заканчивающаяся горкой, обращенной к морю обрывом, а к берегу — покатостью. К западу от Зюка следует небольшая бухта с низменным песчаным берегом, заканчивающаяся коротким возвышенным мысом Богатубе. К югу от этой бухты лежит солонное озеро Чокрак, бывший залив, отделенный от моря сплошной пересыпью. Море здесь заполнило понижение неправильной конфигурации между рядом возвышенностей. Следов абразии на озере незаметно. Далее на восток участок берега между мысами Богатубе и Чегене — каменистый, невысокий, сильно абразированный. Восточный берег Казантипского залива возвышен и обрывист.

В Крымском Приазовье преобладает ландшафт со степной растительностью. В основном это разнотравные дерновидно-злаковые степи. В ряде мест, где имеется приток опресненных балочных вод, встречаются болотисто-тростничные дуга. По склонам долин и балкам, по морскому побережью растут кустарники и редкие древесные породы (шиповник, акация, боярышник, терновник).

В сравнении с другими территориями Боспора микроразона неплохо обеспечена водой. Одна небольшая река впадает в Казантипский залив с его восточной стороны. Ряд ручьев течет на север и впадает в Азовское море. На побережье, в основании многочисленных мысов, часто встречаются родники. Балочные долины и сухоречья лишь ненадолго, во влажные периоды, накапливают немного дождевой воды⁸.

Для большей части микроразоны характерно наличие замкнутых артезианских бассейнов с пластовыми напорными водами. Наиболее водоносны горизонты мелиотических известняков. Восточный берег микроразоны (Приазовская песчаная низменность) имеет важный горизонт пресных вод.

С октября по май на море часто происходят штормы при ветрах восточного и северо-восточного румбов. Нередки случаи возникновения смерчей вдоль всего побережья Крымского Приазовья. Возможны резкие изменения уровня моря у берегов из-за сгона и нагона воды. Ежегодно в течение января-февраля Азовское море полностью замерзает.

Линия берега по сравнению с античным временем изменилась очень мало. Античные памятники здесь, в отличие от ряда других микроразнов Боспора, практически не пострадали от природных изменений.

В целом Крымское Приазовье представляет собой достаточно компактную микроразону, защищенную с запада Киммерийским валом, а с востока — Тиритакским. Это был один из основных, наиболее

удобных и обжитых районов Боспора. Для системы расселения здесь было характерно отсутствие больших городов. Преобладали небольшие городки и сельские поселения, равномерно и густо покрывавшие территорию микрозоны, преимущественно близ побережья.

С 1978 г. археологические раскопки в Крымском Приазовье ведет Восточно-Крымская археологическая экспедиция во главе с А. А. Масленниковым⁹. За прошедшее с тех пор время добыт значительный материал, относящийся к позднеантичному времени.

Единственным точно установленным городом этого времени, открытым здесь, является Зенонов Херсонес (городище на мысе Зюк)¹⁰. Далее на запад изучались небольшие городища и некрополи. Среди первых особо выделяются: Золотое Восточное в бухте¹¹, Салачик, Генеральское-восточное, Зеленый Мыс, Куль-Тепе, Белинское. Основные некрополи: Сююр-Тащ, Старожилово I, Сиреневая бухта (как правило, большую часть некрополей можно связать с конкретными поселениями).

Раскопки Зенонова Херсонеса велись ВКАЭ в 1978—1984 г. Город относится к числу малых городов Боспора, признаками которых, по определению Ю. А. Виноградова, являются: хаотичность застройки, невыделенность общественных построек в массе хозяйственно-жилых комплексов, отсутствие крупных храмов¹². Культурные слои до VI в. включительно прослежены практически на всей исследованной территории¹³. В западной части города открыта сточно-канализационная система городка, просуществовавшая 3—4 века до VI в.¹⁴. Есть остатки мостовой¹⁵. Планировка всех построек здесь, судя по направлению стен, оставалась неизменной в течение ряда веков¹⁶. В юго-восточном районе был выявлен комплекс построек из небольших домов по 1—2 комнаты с примыкавшими дворами или помещения, выходившие на общий двор замкнутым квадратом. Этот комплекс датируется IV—VI вв.¹⁷.

На территории городища открыты также позднеантичные винодельни¹⁸. Ряд больших зерновых ям исправно функционировал вплоть до VI в.¹⁹. Среди инвентаря на городище присутствовала типичная позднеантичная керамика (красноглиняные амфоры, краснолаковая посуда с клеймами в виде креста, светильники), фибулы.

Весь полученный материал свидетельствует о том, что город существовал примерно в одних и тех же границах без катастрофических потрясений в течение ряда столетий. Его гибель связывается с мятежом гуннов против византийского ставленника-филарха Горда во 2-й четверти VI в. (ок. 526/527 г.), когда происходил ряд погромов и сражений гуннов с имперским экспедиционным корпусом (Malala 431.16 — 432.2; Theophan.)²⁰.

Поселение Зеленый Мыс площадью около 1 га располагалось в 7,5 км к западу от мыса Зюк. На небольшом скалистом мысу была расположена «цитадель», где обнаружен материал IV—VI вв., в т. ч. монета 325 г.²¹. Естественным оврагом городище делится на две части — северную (условное название «цитадель») и южную. В 1985 г. здесь был найден ряд боспорских монет Фофорса и Рискупорида VI, два золотых солида Феодосия II (443—444 гг.) (по определению В. В. Кропоткина)²². В 1986 г. был открыт жилой массив площадью около 650 кв. м.²³. Поселение существовало до 2-й четверти VI в.

Аналогичное по типу и размерам (около 0,5 га) городище Сиреневая бухта почти не раскапывалось.

Генеральское-восточное площадью около 1 га было значительным городищем первых веков н. э. Раскопками 1979 г. открыты слои IV в. После разрушения где-то в середине IV в. поселение отстраивается заново и существует еще около двух столетий, хотя население сокращается, а постройки становятся небрежнее и меньше²⁴. Поселение было заброшено, по всей видимости, не испытав новых катастроф, где-то в VI в.

Далее на запад располагалась бухта Генеральская, в которую впадает степной ручей. Близ устья ручья, около большой обособленной скалы (на восточном берегу ручья), находилось маленькое, но многослойное поселение Салачик. Раскопками отмечена локальная катастрофа III в. — наводнение (из-за резкого подъема уровня моря или из-за сильнейшего разлива ручья)²⁵.

На Салачике выявлен слой IV—VI вв. Постройки этого времени сооружались заново после наводнения и имели иное направление планировки, нежели в предыдущую эпоху. Сохранность построек относительно хорошая. Выделяется комплекс из большого квадратного помещения и примыкавшего к нему с юга мощеного двора²⁶. Все постройки гибнут в пожаре I пол. VI в., что соответствует времени гибели Зенонова Херсонеса.

Важным открытием явилось исследование городища Золотое Восточное в бухте. Эта небольшая бухта расположена в северо-западной части микрозоны. С востока поселение было ограничено возвышенностью курганного типа в основании мыса. С 1990 г. на восточном склоне этого холма были начаты раскопки, давшие культурный слой мощностью до 3 м и открывшие остатки мощных фортификационных сооружений («башня»).

Все культурные слои дали материал IV—VI вв. Хорошая репрезентативность и большое количество фрагментов керамики, в том числе и импортной, позволили А. В. Сазанову и С. В. Мокроусову установить стратиграфию позднеантичного времени²⁷.

Значительная территория городища и наличие крупного некрополя позволяют предположить, что Золотое Восточное в бухте могло быть не просто поселением, а городком или даже малым городом. Его стратегическое положение на западе Крымского Приазовья, наличие укреплений говорят о важности этого пункта не только для данной микрозоны, но и для всего Боспора. По предположению А. А. Масленникова, здесь могли жить позднебоспорские федераты, охранявшие северо-западные рубежи государства.

В начале последней четверти VI в. городок был разрушен. Особенно пострадал комплекс «башни»²⁸. Это хорошо согласуется с датой тюркского завоевания 576 г.

На территории микрозоны обнаружен ряд других малых поселений позднеантичного времени, наличие которых подтверждает тезис об относительно плотном заселении и важном значении этой территории. В 1995 г. раскопками на мысу, вдающемся с юга в Чокракское озеро (Чокракский мыс), открыт почти неизвестный доселе вал шириной 11—13 м, шедший к юго-западу от городища эллинистического времени. Его роль в истории Крымского Приазовья IV—VI вв. еще предстоит выяснить.

Некрополи позднеантичной эпохи в Крымском Приазовье известны уже с конца XIX в. и исследуются достаточно длительное время. Наиболее ярким и характерным феноменом этих некрополей являются монументальные грунтовые семейные склепы, недавно опубликованные А. А. Масленни-

ковым²⁹. Аналогичные гробницы были уже давно известны в некрополях некоторых крупнейших городов Боспора³⁰. Их обнаружение в глубине сельской территории явилось в некоторой степени неожиданностью, хотя еще в 1885 г. ряд склепов здесь раскопал А. А. Дирин.

Самая многочисленная группа склепов на сегодняшний день открыта на некрополе поселения Сиреневая бухта. К сожалению, все они были в различное время ограблены.

Второй некрополь — Старожилово — располагался на западном берегу ручья, на склоне холма и принадлежал поселениям Салачик (расположено в 450 м к юго-западу) и Генеральское-восточное (в 1,5 км). Раскопки велись с 1988 г.

Третий и самый интересный некрополь в урочище Сююр-Таш принадлежал поселению Золотое Восточное в бухте и расположен в нескольких километрах восточнее современного села Золотое. Он находится на южном склоне невысокой седловины, проходящей между двумя холмами-сопками. Раскопки велись с 1990 г.³¹. Абсолютно преобладает материал IV—VI вв. Особенно интересен уникальный склеп № 2 (11/2) с монументальным глубоким дромосом, антропоморфными рельефными изображениями и надписями³².

Склепы всех некрополей были долговременными семейными усыпальницами, что отражает факт усиления семейно-родовых связей в условиях ослабления государственных отношений. Склепы Сююр-Таша имеют «архаичные» черты, близкие склепам Пантикапея первых веков н. э. Склепы некрополя Старожилово отличаются тщательностью и сложностью отделки «интерьера». В склепах Сиреневой бухты выделяются курганообразные насыпи, есть и гробницы из двух сообщающихся камер³³. Остальное — достаточно однотипно. Прямые аналогии данным склепам недавно обнаружены на некрополе Китея³⁴.

Редкий и плохо сохранившийся погребальный инвентарь во всех склепах относится исключительно к IV—VI вв.³⁵. Он типологически и хронологически близок части комплекса из могильников в урочище Дюрсо.

Полное и подробное рассмотрение памятников материальной культуры из городищ и некрополей Крымского Приазовья не входит в нашу задачу. Но здесь достаточно отметить, что количество этих памятников, сохранность слоев позднеантичного времени — одни из лучших на Боспоре.

Итак, весь анализ погребального обряда, материальной культуры, состояния строительного дела, фортификации, сам облик приазовских городищ III—VI вв. рисуют убедительную картину непрерывности развития и преемственности прежних боспорских традиций³⁶.

Сохранился, пусть небольшой, экономический потенциал сельской территории. Этому способствовала относительная стабильность внешней ситуации. Этого оказалось достаточно для нормально-го функционирования локальной микрозоны позднего Боспора.

Более того, именно эта микрозона, как представляется сегодня, была базовым, основным районом, главным узлом прочности всего боспорского региона и, по всей видимости, всего Боспорского государства.

Население микрозоны, по всей видимости, изменилось во 2-й половине III в., когда в результате готских походов масса пленников из малоазийских провинций была брошена готами в этом районе (готы ушли далее на запад от Узунларского вала). Именно эти люди из «метрополии» вдохнули новый импульс в увядающее Боспорское государство³⁷, вновь заселили опустевший было район и стали последней опорой некогда блестящего царства. Это предположение косвенно подтверждается тем, что формы склепов близки малоазийским. Многие из этих людей были христианами³⁸, но большинство оставались язычниками³⁹. Вместе с тем, сюда же, возможно, влилась часть населения из приходивших в запустение городов Европейского Боспора. Во всяком случае, тип городской семейной гробницы-склепа очень близок сельским приазовским.

По всей видимости, дальнейшие археологические исследования позволят более полно представить жизнь и быт населения данной микрозоны и позднеантичного Боспора в целом.

Примечания

¹ Николаева Э. Я. Боспор после гуннского нашествия. — Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1984; Блаватский В. Д. Боспор в позднеантичное время // Античная археология и история. — М., 1985. — С. 242—260; Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. — № 1. — М., 1992. — С. 6—108; Засецкая И. П. Степи Северного Причерноморья в гуннскую эпоху. — Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — М., 1996; Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. — Белгород, 1996; Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. — М., 1997.

² Масленников А. А. Исследование сельской территории Европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. — 1997. — № 3. — С. 61; Болгов Н. Н. Указ. соч. — С. 5.

³ Tainter J. The Collapse of Complex Societies. — Cambr., 1989. — P. 4.

⁴ Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—I вв. до н. э. — М., 1981. — С. 41 (карта).

⁵ Блаватский В. Д. Античная полевая археология. — М., 1967. — С. 177.

⁶ Болгов Н. Н. К проблеме территориально-хозяйственных комплексов позднего Боспора (Китея IV—V вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. — Вып. 3. — Ч. 1. — М. — Магнитогорск, 1996. — С. 82—88.

⁷ Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР.— М., 1985.— С. 30.

⁸ Там же.— С. 39.

⁹ Подробнее см.: Масленников А. А. Исследование сельской территории...— С. 61.

¹⁰ Масленников А. А. Зенонов Херсонес — городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора.— М., 1992.— С. 151—156.

¹¹ Сазанов А. В., Мокроусов С. В. Поселение Золотое Восточное в бухте: опыт стратиграфии ранневизантийского времени // Проблемы истории, филологии, культуры.— Вып. 3.— Ч. 1.— М.—Магнитогорск, 1996.— С. 88—107.

¹² Виноградов Ю. А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора.— М., 1992.— С. 100.

¹³ Масленников А. А. Зенонов Херсонес...— С. 150, 121.— Рис. 1.

¹⁴ Там же.— С. 156.

¹⁵ Масленников А. А. Отчет ВКАЭ за 1981 г. // Архив ИА РАН.— Р-1.— № 10358.— С. 26.

¹⁶ Масленников А. А. Отчет ВКАЭ за 1984 г. // Архив ИА РАН.— Р-1.— № 11356.— С. 52.

¹⁷ Масленников А. А. Зенонов Херсонес...— С. 164—167.

¹⁸ Там же.— С. 154, 156.

¹⁹ Там же.— С. 155.

²⁰ Масленников А. А. Отчет ВКАЭ за 1984 г.— С. 61—62.

²¹ Масленников А. А. Отчет ВКАЭ за 1985 г. // Архив ИА РАН.— Р-1.— № 11846.— С. 67, 88.

²² Масленников А. А. Отчет ВКАЭ за 1986 г. // Архив ИА РАН.— Р-1.— № 12285.— С. 53.

²³ Масленников А. А. Отчет ВКАЭ за 1979 г. // Архив ИА РАН.— Р-1.— № 7708.— С. 42—43.

²⁴ Масленников А. А. Отчет ВКАЭ за 1988 г. // Архив ИА РАН.— Р-1.— № 13998.— С. 25—26.

²⁵ Там же.— С. 26.

²⁶ Подробнее см.: Сазанов А. В., Мокроусов С. В. Указ. соч...— С. 88—107.

²⁷ Там же.— С. 100.

²⁸ Масленников А. А. Семейные склепы...— С. 40—49.

²⁹ Масленников А. А., Смекалов С. Л., Смекалова Т. Н. Магниторазведка в изучении развития исторического ландшафта и археологических памятников Европейского Боспора // Проблемы археологии и истории Боспора.— Керчь, 1996.— С. 50.

³⁰ Цветаева Г. А. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА.— № 19.— М., 1951.— С. 36—86; Засецкая И. П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV — начало VII вв.) // АСГЭ.— Вып. 30.— Л., 1990.— С. 97—106; Засецкая И. П. Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV — 1-й пол. V в. // МАИЭТ.— Т. III.— Симферополь, 1993.— С. 23—104.

³¹ Масленников А. А. Семейные склепы...— С. 10—13. Отсюда же происходит надпись на клочке ткани 305 г.: Шкорпил В. В. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // ЗООИД.— Т. 21.— Одесса, 1898.— С. 11; Латышев В. В. По поводу заклития на лоскутке материи из Сююрг-Таша // ЗООИД.— Т. 22.— Одесса, 1900.

³² Масленников А. А. Семейные склепы...— С. 73—74 (рис. 21—22).

³³ Там же.— С. 26.

³⁴ Христановский В. А. Погребения гуннского времени на некрополях Илурата и Китея // Проблемы археологии и истории Боспора.— Керчь, 1996.— С. 73; Марти Ю. Ю. Раскопки городища Китэя в 1928 г.— Симферополь, 1929.

³⁵ Масленников А. А. Семейные склепы...— С. 31—38.

³⁶ Масленников А. А. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения).— Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— М., 1993.— С. 40, 41; Масленников А. А. Семейные склепы...— С. 46; Масленников А. А. Исследование сельской территории...— С. 67.

³⁷ Масленников А. А. Семейные склепы...— С. 47. Ист. очерк см.: Болгов Н. Н. Закат античного Боспора.— С. 64—120.

³⁸ Диатроптов П. Д. Распространение христианства в Северном Причерноморье.— Дисс. канд. ист. наук.— М., 1987.— С. 23, 24.

³⁹ Емец И. А., Масленников А. А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // РА.— 1992.— № 4.— С. 32.

Одержано 12.02.98

ПИФОСЫ ГОРОДИЩА БЕЛЯУС С ГРАФФИТИ

П. Д. Диатроптов

В 1992 г. при раскопках городища Беляус (Северо-Западный Крым, близ озера Донузлав) были обнаружены два пифоса¹. Они находились в юго-восточном углу первоначальной греческой усадьбы, у берега моря, где был частично раскрыт двор, мощеный каменными плитами (рис. 1). Пифосы располагались по линии С-Ю у восточного края двора. Двор с пифосами ограничен восточной и несохранившейся южной оборонительными стенами усадьбы. Южная стена к настоящему времени полностью разрушена морем, сохранилась лишь подпорная стенка, укреплявшая склон, на котором она стояла¹. Двор относится к начальному этапу существования усадьбы: ниже вымостки идет материковый грунт, в данном случае — песок. Можно поэтому полагать, что двор был сооружен либо одновременно с башней № 1, датируемой концом IV — началом III в. до н. э., либо вскоре после нее².

Пифос № 1 (рис. 2, 1) расположен у южного края вымостки. Его венчик находится на уровне поверхности плит вымостки. Венчик, очевидно, был обложен плитами по кругу, одна из этих плит сохранилась. Пифос вкопан в слой чистого песка толщиной 0,66 м. Ниже идет слой песка, смешанного с глиной, в котором находится нижняя часть пифоса. Венчик пифоса имеет призматическое сечение и небольшой уклон наружу. Тулово овальное, со смещением широкой части кверху. Ножка низкая, усеченно-коническая. Наружные размеры пифоса: d венчика — 0,62 м, d тулова — 1,00 м, h — 1,30 м. Внутренние размеры соответственно: 0,45, 0,95, 1,24 м. Пифос сохранился полностью *in situ*, но его корпус расколот на множество фрагментов, которые удерживались в первоначальном положении окружающим грунтом.

Пифос № 2 (рис. 2, 2) расположен к северу от пифоса № 1. Расстояние между их туловами 0,15 м, между венчиками — 0,58 м. Венчик пифоса № 2 возвышается над уровнем вымостки на 0,23 м. Непосредственно к пифосу плиты вымостки не подходят. Снаружи пифос засыпан с восточной стороны песком, с западной — глиной, смешанной с песком. На глубине 0,53 м ниже венчика вокруг пифоса лежал слой камней, примыкающих вплотную к его тулову. Ниже этого слоя со всех сторон пифоса — песок с вкраплениями глины. Венчик пифоса профилированный, поверхность его скошена внутрь, т. е. рассчитана на крышку. Тулово имеет правильную овальную форму. На плечах пифоса имеется рельефный валик. Подобные валики встречаются, насколько можно судить по публикациям, преимущественно на крупных пифосах³. Такая деталь имеется на изображении пифоса Диогена на рельефе из виллы Альбани⁴. Ножка пифоса цилиндрическая, с конусовидной ямкой в подошве. Вокруг основания ножки идут два желобка и между ними рельефный валик. Внешние размеры пифоса: d венчика — 0,83 м, d тулова — 1,20 м, h — 1,70 м. Внутренние размеры соответственно: 0,57, 1,16, 1,55 м. Пифос сохранился полностью *in situ*, корпус его практически цел, имеется лишь одна трещина и венчик расколот на несколько фрагментов, которые удерживались окружающим грунтом.

На венчиках обоих пифосов имеются граффити, а на стенке пифоса № 2 надпись, выдавленная по влажной глине.

Глина обоих пифосов красная, с белыми включениями, что указывает на их херсонесское происхождение.

© П. Д. ДИАТРОПТОВ, 1999

* Выражаю признательность начальнику Донузлавской экспедиции ИА РАН О. Д. Дашевской за любезное разрешение опубликовать этот материал.